

УДК 321; 342

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-489-498

«Разрушение вместе» или О специфике экстремистских сообществ

¹ Римский А.В., ² Римский В.П.

¹ Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина
Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, 71

² Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308000, Белгород, ул. Королева, 7

E-mail: rimskiy87@mail.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Аннотация. Одной из главных проблем в политико-воспитательной и правовой профилактике экстремизма является уровень и эффективность научного понимания данного феномена и его субъектов. Необходимо исследовать экстремистские сообщества как особые коллективные субъекты, так как «экстремист-индивидуал» – это скорее «экстремал», индивидуальные практики которого выходят за пределы общепринятого поведения (нормы), но не нарушают законы, не оказывают никакого влияния на «большое общество» и текущую политику властной системы. Экстремистские сообщества представляют собой субкультурные и антисистемные структуры, способные взрывать современные цивилизационные системы, политический строй и правовой порядок государств в протестах и «цветных революциях». В статье выявляется их природа и условия правовой идентификации в научной экспертизе.

Ключевые слова: насилие, ненасилие, экстремальное, экстремизм, общество, сообщество, чрезвычайное положение, революция, экстремистское сообщество.

Для цитирования: Римский А.В., Римский В.П. 2021. «Разрушение вместе» или О специфике экстремистских сообществ. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 46 (3): 489–498. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-489-498

"The Destruction Together" or On the Specifics of Extremist Communities

Viktor P. Rimskiy, Alexey V. Rimskiy

¹ Putilin Belgorod law Institute of the Ministry,
71 Gorky St, Belgorod, 308024, Russia

² Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Koroleva St, Belgorod, 308000, Russia

E-mail: rimskiy87@mail.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Annotation. One of the main problems in the political, educational and legal prevention of extremism is the level and effectiveness of scientific understanding of this phenomenon and its subjects. It is necessary to study, first of all, extremist communities as special collective subjects, since "extremist-individual" is rather "extreme", whose individual practices go beyond the limits of generally accepted behavior (norms), but do not violate laws, do not have any influence on the "big society" and the current policy of the power system. Extremist communities are subcultural and anti-system structures that can blow up modern civilizational systems, the political system and the legal order of States in protests and "color revolutions". The article reveals their nature and conditions of legal identification in scientific expertise.

Key words: violence, non-violence, extreme, extremism, society, community, emergency, revolution, extremist community.

For citation: Rimskiy V.P., Rimskiy A.V. 2021. "The Destruction Together" or On the Specifics of Extremist Communities. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (3): 489–498 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-489-498

Введение

Попытка очередной цветной революции в Белоруссии показала, что эффективному противодействию протестам и их «мягкой» нейтрализации помешали чрезмерно жёсткие действия силовых органов в виду отсутствия правильной политико-правовой идентификации и различения «мирного протеста» (при всей спорности самого этого понятия и гибридности феномена) и «экстремистских практик», как правило, связанных не столько с поведением отдельных индивидов, сколько с целеполаганием и реализацией политических проектов неких организационных структур и «сообществ».

В статье мы попытаемся реализовать предварительную экспликацию специфики и роли экстремистских сообществ в социальных протестах, в культурных коммуникациях и сетях гражданского общества, что в первом приближении ведёт к созданию комплексной теоретической модели, позволяющей проводить политико-правовую диагностику и разрабатывать практические технологии и рекомендации по устранению или минимизации социально-политических и антропологических угроз и рисков, связанных с институализированными и неинституализированными формами протестов городских масс, часто инициированных экстремистскими сообществами.

Помимо метода критического анализа современного политико-правового дискурса в исследовании заявленной проблематики имеет смысл опираться на принципы юридической аксиологии и правовой аксиологической экспертизы, которые дают возможность выявить ценностные основы (аксиология гражданской ответственности), регулятивный и воспитательный потенциал отечественных правовых документов, норм и законов в сопряжении с современными парламентскими практиками и ценностями социальной справедливости и прямого народовластия, которые почти всегда возникают в различного рода социальных протестах.

Экстремизм и экстремальность

Ранее мы уже касались проблематики экстремизма и давали собственное определение концепта «экстремизм», логически увязывая его с более «родовыми» концептами «насилие» и «терроризм» и пытаясь уйти от поверхностных значений и смыслов изучаемых феноменов [См.: Борисов, Римский 2012]. Мы исходили из *формально-логической иерархии* понятий «сила – насилие – экстремизм – терроризм», что и позволяло уже на первых этапах исследования проблематики преодолеть ограниченность социобиологических версий насилия-агрессии и экстремизма, их политических и моралистических трактовок. Ранее нами были даны такие определения насилия и экстремизма: «**Насилие** – в широком смысле лишение объекта формы или её нарушение, де/формация во всех её вариантах. В узком смысле явление нарушения сложившейся формы субъекта, которое расценивается им как принуждение, признается насилием. **Экстремизм** – явление, в своих метафизических смыслах сводящееся к 1) *избыточному исключению* (сублимация и рационализация жизненной и социальной энергии), 2) *неопределённости* (размывание культурных основ бытия человека и социума), 3) *жизненной и социальной чрезмерности* (чрезвычайная ситуация, кризис, пограничная ситуация)» [Римский, 2012, с. 132]. На первый взгляд и в правовых текстах российских законов обнаруживаются подобные логические связи и значения. Однако мы испытываем неудовлетворение собственными определениями и хотели бы далее их уточнить.

Прежде всего следует выстроить формально-логическую иерархию применительно и к концептам (терминам) «экстремальное», «экстрим», «экстремал», «экстремист» и «экстремизм». «Экстремальный» (от лат. *extremus, extreme* – крайний) во всех словарях определяется как крайний, сложный, трудный, необычный по трудности и сложности, опасный, выходящий из рамок обычного, предельный, рискованный, аномальный, аномальный, невообразимый, необычный, чрезмерный, глубокий, величайший, чрезвычайный и т.п. Соответственно, «экстремизм», как и весь выше обозначенный терминологический ряд связан с этими значениями и смыслами. При этом «экстремизм» определяется чаще всего весьма упрощённо, как «приверженность в политике и идеологии к крайним взглядам, мерам и действиям» [Безопасность: теория, парадигма..., с. 787; Экстремизм и его причины..., 2013], девиантная, отклоняющаяся от норм и правил деятельность и сознание человека в идеологии и политике.

Экстремизм часто не отличается от экстремальности, например, от экстремального спорта, включающего многообразие его видов: от альпинизма и гонок на аквабайках до сёрфинга, паркура и фигурного катания. Появляется соблаз отождествить экстремала с экстремистом, а сообщества экстремалов (экстремальные субкультуры) объявить экстремистскими. Таким образом, уже на уровне терминологии возникает проблема экстремистского сообщества, так как экстремисты-одиночки и даже экстремалы-одиночки в качестве предмета исследования относятся скорее к психологии или психиатрии («больные на голову»).

Следует отметить, что и экстремизм, и экстремальность, как и соответствующие им феномены, если с позиций метафизики и логики спуститься к социальной и правовой «физике», всегда предполагают некоторого субъекта, индивидуального или коллективного, и проблема упирается в соотношение индивидуального и общего и не может быть разрешена только формально-логическими определениями без обращения к содержательной диалектике социальной и политико-правовой реальности.

Итак, на данный момент концепт «экстремизм», как и «экстремальное», строго не представлен в научном тезаурусе, встречается только в контексте других понятий [Красиков, 2006; Руднев, 1997], а в политологическом и юридическом дискурсах трактуется упрощённо, до сих пор строго не определён, в политико-правовых текстах часто понимается достаточно прямолинейно и часто сугубо субъективистки. Например, в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» локализован специфический понятийный круг, а именно: «конституционный строй», «насилие и угроза его совершения», «терроризм», «социальная, расовая, национальная, религиозная рознь», «права», «свободы», «законные интересы гражданина», «избирательные права» и т.д. А это всё относится именно к сфере гражданского общества, где речь идёт о «нормах» и «правилах», т.е. о *законах* и *праве* [Римский, 2020]. Но приведённый выше понятийный круг является очень ограниченным, так как не учитывает всей сложности социально-экономических и политико-правовых противоречий между запросами гражданского общества на социальную справедливость, самоуправление, вертикальную и горизонтальную мобильность и невозможностью реализовать данные потребности в условиях устаревших политических структур представительской демократии эпохи модерна, рождённой почти три столетия назад в Западной Европе и отражающей по-прежнему интересы частного капитала и государственной бюрократии. Вот эти противоречия в основном и проявляются в социальных протестах и деструктивной деятельности экстремистских сообществ. В таком понимании проблематики возникают определённые сложности в самом понимании буквы закона.

Законодательство об экстремизме

Продолжим критический анализ «законодательства об экстремизме». Статья 1. Основные понятия Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ определяют экстремизм как

«насильственное изменение основ конституционного строя», «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность», но при этом не даётся определение самих понятий «насилие» и «терроризм» (в научной юридической и политологической литературе часто исходят из их «феноменологической очевидности»). Уместно задать ряд вопросов: например, будут ли насилем психологические манипуляции по вовлечению индивида в ту или иную группу или организацию? И в чём же различие между «насилием» и «принуждением», «насилием» и «ненасилием» [см.: Руднев, 1997]? Будет ли насилем психологическое принуждение человека к участию в различных протестах, «мирных» и «немирных»? За примерами не надо далеко ходить: «мирные аплодисменты» на проходных белорусских предприятий, понуждающие рабочих к забастовкам – это насилие или «мирная демонстрация солидарности»? Как в данном случае квалифицировать действия силовиков, препятствующих (правовым принуждением) таким «коридорам солидарности»? Оппозиция сразу же заявила, что будто бы это – насилие над «мирным протестом», а власть объявила «нарушением закона».

Если мы рассматриваем сферу гражданского общества и соответствующие принципы правоприменения по отношению к экстремистской деятельности, то странным выглядит положение Указа Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», где обозначено: «субъекты противодействия экстремизму – федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления» [Об утверждении... 2020]. Где здесь «гражданское общество», даже если считать «органы местного самоуправления» таковыми? Мы знаем, что они пока столь же далеки от гражданского общества, как в своё время декабристы от народа.

В Указе Президента РФ от 29.05.2020 № 344 понятийные определения экстремизма и радикализма сведены к «экстремистской идеологии» и «идеологии насилия» (но радикализм гораздо сложнее, чем просто «насилие!»), что при наличии в статье 13 Конституции Российской Федерации признания «идеологического многообразия» и «необязательности» любой идеологии почти наверняка делает трудно выполнимой идентификацию экстремистской идеологии, как и идеологии радикализма. Например, существует феномен философского радикализма – будет ли он идеологией насилия, если это всего лишь «чрезмерность» мышления индивида, занятого духовным производством? Есть радикальные течения в литературе и искусстве... Экстремизм и радикализм – отнюдь не только идеологические, но даже и не только политико-правовые, а более сложные феномены, требующие междисциплинарного исследования и понимания.

Ещё больше вопросов возникает, когда мы пытаемся определить субъект экстремизма. Если экстремизм – это всегда нарушение закона, нормы и правила, то с правовой точки зрения ответственными за нарушение закона всегда будут конкретные индивиды. Так, комментированное прочтение статьи 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ говорит: «Субъектом данного преступления являются граждане РФ, иностранные граждане, лица без гражданства, достигшие 16-летнего возраста» [Комментарий к Уголовному... 2017]. Но как быть с ответственностью коллективных субъектов экстремизма? И как их определить и идентифицировать?

Следует отметить, что и здесь наблюдается понятийный разнобой и прямолинейность. Прежде всего, отсутствует строгое понимание того, что считать экстремистским сообществом. В Уголовном кодексе Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ в статье 282.1 мы находим такое его определение: «Создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, а равно руководство таким экстремистским сообществом, его

частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности...» [Уголовный кодекс РФ... 2020]. В Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ мы читаем: «Экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности» [О противодействии... 2020]. А разве до судебного запрета мы не можем достаточно достоверно установить, что та или иная «организация» или «объединение» являются экстремистскими или диагностировать его эволюцию в этом направлении? При этом в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ, как и в Указе Президента РФ от 29.05.2020 № 344, фактически исчезает понятие «экстремистское сообщество», которое гораздо шире, чем «экстремистская организация» и «экстремистская объединение». Здесь и возникает проблема соотнесения «общества» и «сообщества» с феноменом «экстремистских сообществ» и отличие последних от экстремистских организаций и объединений.

Что есть «общество», «общность» и «сообщество»?

Для осмысления того или иного феномена будет уместным обратиться к словарным и энциклопедическим статьям, чтобы распутать некоторые логические нити, ведущие из лингвистических коннотаций слов «общество», «общность» и «сообщество». Современные западные авторы (например, Ж. Дидье) дают весьма абстрактные определения: «Общество: организованное сообщество индивидов, связанных общим интересом. В более узком смысле понятие общества означает экономический обмен между индивидами, отношения интереса. Отличается от понятий общины и государства» [Дидье, 2000, с. 292]. Столь же абстрактно определяет «общество» и «сообщество» А. Конт-Спонвиль: «Общество – нечто противоположное одиночеству, точнее говоря, изоляции, рассеянию или, как говорил Гоббс, войне всех против всех. Вот почему людям необходимо общество. Они не могут жить поодиночке и не могут жить только в противостоянии одних другим. Человек может жить изолированно, говорил Маркс, но только внутри общества. Но человеческие сообщества более хрупки, чем, скажем, сообщества насекомых, потому что царящие в первых правила носят культурный характер. Это значит, что члены общества вольны нарушать или соблюдать эти правила» [Конт-Спонвиль, 2012, с. 367]. И у Ж. Дидье, и у А. Конт-Спонвиля, как и у корифея американской социологии Т. Парсонса [2002, с. 786] мы видим смысловое и терминологическое поглощение «сообщества» концептом «общество». Следует отметить, что и в более фундаментальных «марксистско-ленинских» компендиумах [Левада, 1967, с. 120; Марксистско-ленинская теория..., 1981; Марксистско-ленинская теория..., 1983] при всех обещаниях категориальной проработки марксистских понятий «общество» поглощает «сообщество» и соответствующую проблематику.

Подобный абстрактный и размытый подход к пониманию общества возник ещё тогда, когда данное понятие только формировалось в контексте теории гражданского общества, рационализированной Гегелем в «Философии права», итоговом его труде, изданном и отредактированном ещё при жизни философа [Гегель, 1990, с. 233, 228, 277]. Он включал в сферу гражданского общества экономические интересы, собственность и производство; права и свободы человека; безопасность (полиция!) и сословия (корпорации). Чуть позже он отнёс сюда и семью. Для Гегеля было важным доказать, что именно сословное представительство (особенное) становится посредствующим перед воплощением во всеобщем (принцип монархии).

Критика Марксом гегелевской философии права и теории гражданского общества уже в первых его работах и рукописях была направлена на абстрактную диалектику Гегеля, в которой «общее» подавляет в конечном «единичное» и «особенное» [Маркс, 1955, с. 309, 310]. И молодой Маркс, критикуя такую диалектику, ставит здесь, в диалектике единичного, особенного и всеобщего, проблему *прямой демократии* (хотя пока и в ограниченных рамках либерального представительства) [Маркс, 1955, с. 355]. Это и есть та проблема – как могут «все» в качестве «единичных» быть представлены через «особенное» (депутаты) во «всеобщем»? – и диллема прямого участия или парламентского представительства, которая чётко и впервые была поставлена В.И. Лениным [1969], но до сих пор никем не решена ни теоретически, ни практически. Ни в либеральной, ни в советской демократии, хотя невозможность решить данную диллему и возникает в последнее время почти во всех протестных акциях, в том числе и в «цветных революциях» [Римский, Рязанова, 2019; Римский, Аббасов, 2018].

Современная ситуация характеризуется тем, что в условиях индустриальной массофикации некогда устоявшееся деление на профессионально-сословные корпорации и социальные классы всё больше отходит на второй план, уступая место самоидентификации человека в качестве участника многочисленных субкультурных сообществ. Гражданское общество уже в XX веке в отличие от эпохи раннего индустриального модерна стратифицировано не только и не столько семьями, профессионально-сословными и классовыми корпорациями, как во времена Гегеля и молодого Маркса, сколько разнообразными субкультурными сообществами. Всё это, соответственно, меняет запросы индивидов и положение сообществ в гражданском обществе конца XX и начала XXI столетий, как и сами структуры гражданского общества.

Вульгаризация марксистских трактовок общества, классов и классового подхода не позволяет исследовать реальные процессы, происходящие в современном мире, в котором *культурно-цивилизационные «волны»* определяются не столько некими устойчивыми социальными структурами типа «классов» или «сословий», сколько субкультурными стратификациями. Общество *иерархически, вертикально организовано властной системой*, навязывает – насильственно и ненасильственно – индивидуальным и социальным субъектам и образованиям (сообществам) собственные цели и правила деятельности, хотя ассоциации, коллективы, корпорации и субкультурные сообщества могут быть организованы и *горизонтальным, сетевым* способом.

Но тогда где обитают сообщества в постоянном присутствии общества? И где здесь место экстремистским или экстремальным сообществам? Сообщества в присутствии общества всегда стремятся от него обособиться, поэтому они носят субкультурный и субсоциальный характер. Нами во многих публикациях было дано понимание субкультур, которое было связано с концептом «сообщество», а также понятие «субкультурные революции» [Римский, Аббасов, 2018; Учреждающая дискурсивность...; и др.]. Субкультурные сообщества чаще всего являются *горизонтально организованными системами*, которые со временем могут превращаться в жёсткие коллективы и корпорации, организации и объединения, в том числе тоталитарного и экстремистского толка. Поэтому нельзя подходить к исследованию протестных масс с позиций «социологии масс и толпы», которая была создана в XIX веке Г. Тардом, так как любая «толпа» так или иначе структурируется малыми сообществами и отдельными индивидами, которые и создают «броуновское движение» в социальных протестах и субкультурных революциях, а экстремистские сообщества часто структурируются с использованием манипуляций и криптократических технологий.

Заключение

В исследовании революций даже Маркс, часто указывая на сложные социальные процессы хаотизации и отката социальных систем назад, в царство отживших обще-

ственных и культурных форм, всегда стремился видеть прогресс (это была попытка соединить в марксизме либерально-демократический прогрессизм и революционный радикализм). Но революционный взрыв *всегда* ведёт и приводит к *откату назад* и *упрощению* социальных систем. Революционные взрывы, политические протесты и переходные общественные процессы всегда *чрезвычайны* и *чрезмерны* и связаны с учреждением *чрезвычайного положения* в тех или иных институализированных политико-юридических формах [Агамбен, 2005]. Именно в этих революционных взрывах и откатах появляются *антисообщества* и *контркультуры*, которые имеет смысл номинировать в качестве *экстремистских сообществ*.

И если ранее мы писали [Римский, 2012, с. 11, 36], употребляя агамбеновскую и лакановскую психоаналитическую терминологию, об *избыточном исключении* (сублимации и рационализации жизненной и социальной энергии) и *неопределённости* (размывании культурных основ бытия человека и социума), жизненной и социальной *чрезмерности* (чрезвычайная ситуация, кризис, пограничная ситуация), то здесь уместно дополнить эти определения *недостаточным* исключением, *нехваткой* «жизненной энергии». *Избыточность* жизненной энергии скорее характеризует не экстремиста, а *экстремала*, которых также достаточно в революционных, чрезвычайных ситуациях и переходных общественных состояниях: это и есть «революционеры-пассионарии» (Л.Н. Гумилёв).

Но революции никогда не совершаются без примкнувшим к ним субпассионариев, которые всегда испытывают *нехватку жизненной энергии* (и ума!). Поэтому они компенсируют свою ограниченность и убогость стремлением объединиться (сбиться) в сообщество – *антисистемное, экстремистское сообщество*, каковые часто структурируются революционными кружками, ячейками, группами, организациями и объединениями – достаточно жёсткими дисциплинированными структурами, объединёнными сетевым способом в сложные, вертикально интегрированные «революционные партии». Эти экстремистские сообщества маргиналов-субпассионариев и возглавляют экстремалы-пассионарии. Экстремал часто сам моделирует и создаёт для себя и других ситуацию сверхмерности и чрезмерности.

Экстремист всегда носитель экстремальной практики разрушения общества в «антисистемном бытии-вместе» и убийстве другого и других, часто и через самоубийство «на миру», в экстремистском сообществе...

Список источников

1. Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура. 2005. Словарь-справочник. URL: <http://slovari.yandex.ru/книги/Безопасность> (дата обращения: 19 мая 2021).
2. Даль В. 1881. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Том 2 (И–О). СПб., М., 634 с.
3. Дидье Ж. 2000. Философский словарь. Пер. с франц. М., Междунар. отношения, 544 с.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020). СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru. (Дата обращения: 17.08.2020)
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2017. В 4 т. Особенная часть. Разделы X–XII (постатейный). Том 4. Отв. ред. В.М. Лебедев. Изд. «Юрайт, СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru. (Дата обращения: 17.08.2020)
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru. (Дата обращения: 17.08.2020)
7. Конт-Спонвиль А. 2012. Философский словарь. Пер. с фр. Е.В. Головиной. М., Этерна, 752 с.

8. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. 1981. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М., Наука, 463 с.
9. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. 1983. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М., Наука, 535 с.
10. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. 2020. Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru. (Дата обращения: 17.08.2020)
11. Ожегов С.И. 1987. Словарь русского языка. М., Русский язык, 796 с.
12. О противодействии экстремистской деятельности. 2020. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 31.07.2020) СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru. (Дата обращения: 17.08.2020)
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020). СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru. (Дата обращения: 17.08.2020.)

Список литературы

1. Аббасов Р.Г. Римский В.П., 2018. 1968 год: первая субкультурная революция. Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право», 43 (3): 437–442.
2. Агамбен Дж. 2011. Номо сасег. Чрезвычайное положение. М., Издательство «Европа», 256 с.
3. Антонян Ю.М., Ростокинский А.В., Гилинский Я.И. Экстремизм и его причины. 2013. М., Издательство «Логос», 312 с.
4. Борисов С.Н., Римский А.В. 2012. Культурно-исторические формы религиозного экстремизма: от традиционализма к модерну. Ученые записки Орловского государственного университета, 5: 114–123.
5. Борисовский А.В., Римский А.В. 2018. Дискурс экстремизма, радикализма и терроризма. Наука. Искусство. Культура, 4 (20): 98–115.
6. Гегель Г.В.Ф. 1990. Философия права. Пер. с нем. М., Мысль, 524 с.
7. Красиков В.И. 2006. Экстрим: междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М., Водолей, 496 с.
8. Левада Ю. 1967. Общество. В кн.: Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 4. М., Сов. энци.: 120–123.
9. Ленин В.И. 1969. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. В кн.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Политиздат: 1–120.
10. Маркс К. 1955. К критике гегелевской философии права. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1. М., Политиздат: 219–368.
11. Маркс К. 1955. К критике гегелевской философии права. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1. М., Политиздат: 414–429.
12. Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Манифест Коммунистической партии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 4. М., Политиздат: 419–459.
13. Парсонс Т. 2002. О социальных системах. М., Академический Проект, 832 с.
14. Римский А.В. 2012. Культурно-экзистенциальные трансформации религиозного экстремизма. Дис. канд. филос. наук. Белгород, 159 с.
15. Римский А.В. 2019. Молодежный экстремизм: сфера социально-правового контроля. Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право», 44 (3): 427–433.
16. Римский А.В. 2020. Экстремизм и дестабилизация гражданского общества. В кн.: Государство и гражданское общество на современном этапе: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 17 октября 2019 г. Белгород: БелЮИ МВД России имени И.Д. Путилина: 76–81.
17. Римский А.В., Рязанова Н.А. 2019. Экстремизм и насилие в практиках «цветных переворотов»: «сакральная жертва» и «чрезвычайное положение». Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право», 44 (4): 704–713. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-704-713

18. Руднев В.П. 1997. Экстремальный опыт. В кн.: Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., Наука: 376–378.

19. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллигент в интерьере культурного капитала. 2017. Под ред. В.П. Римского. М., Канон+ РООИ «Реабилитация», 456 с.

References

1. Abbasov R.G. Rimskiy V.P., 2018. 1968: the First Subcultural Revolution. Belgorod State University Scientific bulletin Philosophy. Sociology. Law, 43 (3): 437–442. DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-3-437-442.

2. Agamben Dzh. 2011. Homo sacer. Chrezvychnoye polozheniye. [Homo sacer. State of emergency]. Moscow, Publ. Yevropa, 256 p.

3. Antonyan Yu.M., Rostokinskii A.V., Gilinskii Ya.I. Ekstremizm i yego prichiny. [Extremism and its causes]. 2013. Moscow, Publ. Logos, 312 p.

4. Borisov S.N., Rimskiy A.V. 2012. Kul'turno-istoricheskiye formy religioznogo ekstremizma: ot traditsionalizma k modernu. [Cultural and Historical Forms of Religious Extremism: from Traditionalism to Modernism]. Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta, 5: 114–123.

5. Borisovskiy A.V., Rimskiy A.V. 2018. Diskurs ekstremizma, radikalizma i terrorizma. [Discourse of Extremism, Radicalism and Terrorism]. Publ. Nauka. Iskusstvo. Kul'tura, 4 (20): 98–115.

6. Gegel' G.V.F. 1990. Filosofiya prava. [Philosophy of Law]. Translated from the Ger. Moscow, Publ. Mysl', 524 p. (in Germany).

7. Krasikov V.I. 2006. Ekstrim: mezhdistsiplinarnoye filosofskoye issledovaniye prichin, form i pattenov ekstremistskogo soznaniya. [Extreme: an interdisciplinary philosophical study of the causes, forms and patterns of extremist consciousness]. Moscow, Publ. Vodoley, 496 p.

8. Levada YU. 1967. Obshchestvo. [Society]. In: Filosofskaya entsiklopediya. [Philosophical Encyclopedia]. Vol. 4. Moscow, Publ. Sov. ents.: 120–123.

9. Lenin V.I. 1969. Gosudarstvo i revolyutsiya. Ucheniye marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyutsii. [State and Revolution. The doctrine of Marxism about the state and the tasks of the proletariat in the revolution]. In: Lenin V.I. Polnoye sobraniye sochineniy. [Lenin V.I. Full composition of writings]. Vol. 33. Moscow, Publ. Politizdat: 1–120.

10. Marks K. 1955. K kritike gegelevskoy filosofii prava. [To the criticism of the Hegelian philosophy of law]. In: K.Marks i F.Engel's. Sochineniya. [K. Marx and F. Engels. Compositions]. Vol. 1. Moscow, Publ. Politizdat: 219–368.

11. Marks K. 1955. K kritike gegelevskoy filosofii prava. [To the criticism of the Hegelian philosophy of law]. In: K.Marks i F.Engel's. Sochineniya. [K. Marx and F. Engels. Compositions]. Vol. 1. Moscow, Publ. Politizdat: 414–429.

12. Marks K., Engel's F. 1955. Manifest Kommunisticheskoy partii. [Manifesto of the Communist Party]. In: K.Marks i F.Engel's. Sochineniya. [K. Marx and F. Engels. Compositions]. Vol. 4. Moscow, Publ. Politizdat: 419–459.

13. Parsons T. 2002. O sotsial'nykh sistemakh [On social systems]. Moscow, Publ. Akademicheskii Proyekt, 832 p.

14. Rimskiy A.V. 2012. Kul'turno-ekzistentsial'nyye transformatsii religioznogo ekstremizma. [Cultural and Existential Transformation of Religious Extremism]. Dis. ... kand. filos. nauk. Belgorod, 159 p.

15. Rimskiy A.V. 2019. Molodezhnyy ekstremizm: sfera sotsial'no-pravovogo kontrolya. [Youth Extremism: the Sphere of Social and Legal Control]. Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo, 44 (3): 427–433.

16. Rimskiy A.V. 2020. Ekstremizm i destabilizatsiya grazhdanskogo obshchestva. [Extremism and Destabilization of Civil Society]. In: Gosudarstvo i grazhdanskoye obshchestvo na sovremennom etape: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 17 oktyabrya 2019 g. [State and civil society at the present stage: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, 17 October 2019]. Belgorod: BelYUI MVD Rossii imeni I.D. Putilina: 76–81.

17. Rimskiy A.V., Ryazanova N.A. 2019. Extremism and Violence in the Practices of "Color Coups": "Sacred Sacrifice" and "State of Emergency". *Belgorod State University Scientific bulletin Philosophy. Sociology. Law* 44 (4): 704–713. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-704-713
18. Rudnev V.P. 1997. Ekstremal'nyy opyt. [An Extreme Experience]. In: Rudnev V.P. *Slovar' kul'tury XX veka*. [Dictionary of the culture of the twentieth century]. Moscow, Publ. Nauka: 376–378.
19. Uchrezhdayushchaya diskursivnost' Mikhaila Petrova: Intellektual v inter'yere kul'turnogo kapitala. [Founding Discursiveness of Mikhail Petrov: The Intellectual in the Interior of Cultural Capital]. 2017. Edited by V. P. Rimsky. Moscow, Publ. Kanon+ ROOI Reabilitatsiya, 456 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, Белгород, Россия

Римский Алексей Викторович, кандидат философских наук, младший лейтенант полиции, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor P. Rimskiy, doctor of philosophy, Professor, Professor of the Department of philosophy, cultural studies, and science of the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Alexey V. Rimskiy, candidate of philosophy, second Lieutenant of police, teacher of the Department of civil law disciplines Belgorod law Putilin Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia Belgorod, Russia